

ПОНЯТИЕ АУТЕНТИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2011 г. С. К. Нартова-Бочавер

*Доктор психологических наук, профессор Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва;
e-mail: s-nartova@yandex.ru*

Рассматривается история понятия “аутентичность” в философии и психологии. Анализируются современные определения и результаты эмпирических исследований. Очерчивается круг близких понятий, определяются корреляты и индикаторы аутентичности. Описываются прикладные аспекты ее изучения. Дается рабочее определение аутентичности как качества жизни субъекта, находящегося в гармонии со своим бытием.

Ключевые слова: аутентичность, личность, автономия, идентичность, экзистенция, бытие.

Категория аутентичности давно присутствует в психологическом дискурсе, однако это обстоятельство несколько не способствовало ее прояснению. Напротив, она имеет широкий спектр употребления, используется в самых разных контекстах исследований и практики, иногда возникающая как нечто само собой разумеющееся и не нуждающееся в уточнении, а иногда – как абсолютно спекулятивная, та самая “лишняя сущность”, от введения которой предостерегали средневековые номиналисты. Тем не менее, эта категория кажется нам конструктивной; для обозначения чрезвычайно важных коннотаций, которые едва ли могут быть отражены другими понятиями, мы и предприняли настоящий анализ.

Использование понятия “аутентичность” отражает несколько тенденций современной психологии личности: стремление изучать интегративные качества индивидуальности; внимание к позитивному содержанию личности и, наконец, поиск экологичных неинвазивных способов саморегуляции, самоподдержки и саморазвития, которые могут быть обнаружены только через открытие глубоко индивидуализированных личностных ресурсов. Кроме того, эта категория различными гранями соприкасается со многими школами отечественной психологии, способствуя преодолению парадигмальных и географических ограничений в условиях интернационализации науки¹.

¹ В данной работе мы намеренно отказались от анализа понятия аутентичности в контексте отечественных психологических традиций, к чему планируем обратиться позже.

Как отметили авторитетные исследователи позитивной психологии К. Петерсон и М. Селигман, никто не спорит с тем, что целостность, честность и аутентичность – это предметы главных человеческих потребностей, но психология, к сожалению, до сих пор может сказать по этому поводу очень мало [58].

Исследование аутентичности актуально для психологов как просветителей, носителей личностно значимого знания: только единство действия и слова, собственного жизненного пути и рекомендаций делает психологическое знание влиятельным. Если же между способом жизни субъекта и декларируемым им психологическим знанием возникает схизис, он непременно порождает подтекст-метапослание, обесценивающее и лишаящее убедительности все сказанное психологом. Ни один уважающий себя ученик не воспримет рекомендацию от неискреннего, не знающего себя, зависимого учителя. Вследствие такого схизиса может упасть социальное доверие к практическому психологическому знанию вообще. На наш взгляд, аутентичность – необходимый предиктор профессиональной состоятельности каждого практического психолога.

Психологи разных направлений однозначно сходятся во мнении о том, что утрата аутентичности влечет за собой потерю искренности, появление склонности к играм, отчужденности, расщепления, утрату целостности и смысла существования [8, 12].

В современной психологии слово “аутентичность” имеет несколько смысловых оттенков: оно

может означать естественность, подлинность, неделанность, уместность и своевременность; другое значение предполагает верность своей субъективно переживаемой природе и осознанно выбираемому пути. В более простом понимании аутентичность рассматривается как синоним автономности, способности противостоять влияниям [71].

Многие исследователи полагают, что понятие аутентичности возникло в психологии с расцветом экзистенциальной философии, однако это не так. Слово “аутентичность” – греческого происхождения (αὐθεντικός – подлинный, неподдельный, αὐθεντέω – быть полным сил) и в течение долгого времени использовалось за границами психологии, в основном при квалификации продуктов человеческой деятельности. При этом нет никаких причин считать, что достижение аутентичности личности не признавалось и раньше как задача развития. Социальный спрос на это явление и неизбежно связанная с ним коммерциализация не очень давно вывели понятие “аутентичность” за границы элитарных терминов и сделали его широкоупотребимым. Однако феноменология, обозначаемая этим словом сейчас, была объектом обсуждения и целью воспитания во все времена и во всех культурах, от которых осталось письменное наследие.

АУТЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Под иными именами аутентичность всегда признавалась как чрезвычайно важная, но труднодостижимая ценность. Так, еще в Упанишадах отмечалось: “В сердце каждого человека находится его истинное Я... Истинное Я нельзя постичь интеллектом; Его не достигнешь ни изучением писаний, ни учеными рассуждениями. Когда Я хочет, оно открывается искателю” [5]. Таким образом, вопрос о подлинности человеческой личности и вероятности неискреннего существования ставился уже в *Древней Индии*; тогда же отмечалась невозможность рационального постижения истинного Я и его позитивной верификации.

В *Древнем Китае* категория подлинности (одно из синонимов совершенства) была важнейшей в этике и философии. Там также выделялись разные уровни качества жизни с точки зрения обретения подлинности. *Конфуций* полагал, что определенность жизни – свойство не очень высокодуховных людей, в то время как личностно развитые могут быть неуловимыми, не поддающимися описанию, но при этом гармоничными: “Совершенный муж

гармоничен, но не идентичен. Маленький человек идентичен, но не гармоничен” [6, с. 166]. Он также связывал подлинность с прогрессивным движением: “Совершенный муж движется вверх, тогда как низкий человек движется вниз” [там же, с. 173]. Таким образом, аутентичность выступала и как эстетический показатель жизненной истории и ее динамики.

В учении *Лао-Цзы* подлинность существования обозначалась категорией Дао, отмечающей уникальность пути каждого человека к собственному Я. Дао – это не свойство личности, а процесс ее развития, приводящий к подлинности. Дао динамично, нелинейно, нерационально, диалектично: “Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао” [9, с. 215]. Это тот путь, который неизбежен и, по-видимому, духовно оптимален для каждого человека, в силу чего Лао-Цзы предостерегал от попыток, внешне гуманных, вмешаться в его логику. Каждый человек должен пройти сквозь череду собственных жизненных задач и выдержать испытания, что и делает его более подлинным и сильным. “При рождении человек податлив и слаб. Умирая – тверд и крепок” [там же, с. 293]. Таким образом, категория Дао не просто выражает толерантность к человеческим недостаткам, но прямо заявляет их необходимость как начального условия для дальнейшего роста, или, выражаясь более современным языком, компенсации и индивидуации. Слабость и несовершенство – условия развития, признаки движения. Аутентичное не может быть неуязвимым, растущий человек всегда в чем-то ученик и, стало быть, может ошибаться.

Подлинность была предметом пристального внимания и в *Древней Греции*, которая дала миру абсолютные идеалы этики, эстетики и логики. Надо отметить, что как на Востоке, так и на Западе древние философы пользовались высоким авторитетом и в качестве интуитивных психотерапевтов часто давали советы по жизненно важным вопросам. Поэтому философия древности была очень приближена к психологии повседневности. Признавая высокую ценность мышления и будучи совершенными в логике и риторике, греческие философы, тем не менее, обращали внимание на то, что сущностное в человеке связано со сложными, трудно определяемыми качествами.

Так, в качестве интегрирующих инстанций, способствующих достижению калокагии (античного идеала гармонии, единства прекрасной внешности и души), *Платон* называл даймоний (гений, внутренний голос, интуицию, инсайт) и софросину (мудрость, умеренность, справедливость, разумность) [13]. Оба эти понятия не

поддаются точному переводу, однако могут быть описаны через последовательное рассмотрение семантических оттенков. Обсуждая понятие софросины в знаменитом диалоге “Хармид”, Платон отмечает, что, в первую очередь, это благопристойность и спокойствие души и тела. Однако тут же опровергает себя тем, что это понимание односторонне, ведь иногда в жизни требуется и быстрота. Другое значение понятия – “стыдливость души”, критичность к себе, деликатность. Но это не исчерпывает всего смысла софросины, поскольку иногда стыдливость не полезна, например, если бедняк стыдится бедности. Еще одно определение – “делание своего”. Однако тогда возникает вопрос о том, что такое “свое”, ведь можно хорошо делать и чужое. Таким образом, заключает Платон, софросина – это особого рода знание, общее мастерство различения добра и зла, основанное на внимании к внутреннему голосу и реальной практике.

Современные исследователи, правда, иногда полагают, что более адекватным в системе Платона было бы проведение параллелей между понятиями аутентичности и логоса, и тогда мы перемещаемся в область дискуссии о предназначении и смысле человеческого существования. Но оценку соответствия логосу все равно можно было бы дать только с опорой на внутренние психологические детерминанты [41].

На наш взгляд, все обсуждаемые интегративные понятия древности отражают разные аспекты того, что сегодня называется аутентичностью личности, причем часто более глубоко и убедительно, чем это делается в современных дефинициях аутентичности, в чем мы убедимся ниже.

Истинное Я, Дао, софросина при различии смысловых оттенков имплицитно затрагивают проблему личностных границ и соответствия. Для Востока это диалог личности и космоса, атмана и брахмана, мировых процессов и личного пути. Очевидно, надо иметь особого рода чувствительность к тому, что выходит за границы собственного существования, чтобы эту логику почувствовать. Таким образом, можно сказать, что различные направления восточной философии во многом предвосхитили оживление в психологии категории аутентичности, состоящей в тесной связи с другими важными экзистенциальными понятиями, такими, как “трансценденция” или “заброшенность”. Что касается греческих философов, то, возможно, в силу абсолютной публичности и открытости обществу (“политеи”), характерной для античной культуры, для них важнее было акцентировать внутреннее согласие с чувством чести, жить и умереть в со-

ответствии со своей философией, т.е. феноменология аутентичности обозначалась скорее вокруг возможных внутренних конфликтов и внутриличностных границ.

Дальнейшее развитие истории с усложнением человеческого бытия привело к тому, что изначальная целостность человека и его диалог с миром оказались под угрозой. Уже римская философия, в частности, в лице *Сенеки* отмечала не-реальность возможности жить в соответствии со своими убеждениями и принимала как данность тот факт, что, зная, как правильно поступать, человек (в том числе и сам Сенека) не всегда имеет мужество эти поступки осуществить [15]. Таким образом, глубинные ценности начали отчуждаться от практики поведения, приводя, по-видимому, к первым зафиксированным в истории внутренним конфликтам и неврозам.

В Европе вопрос о поиске внутренней опоры для развития аутентичности естественно отпал с распространением христианства и утверждением теории двойственной истины. Так, например, *Блаженный Августин*, отмечая важность самопознания, согласия с собой, верности слову и делу, все же отрицал использование Я и вообще внутренних ресурсов как источника опыта [1]. Главным для него, как и для многих других гуманистически мыслящих теологов, было согласие с Богом, с трансперсональными и трансцендентными источниками управления жизнью. Вопрос о подлинности бытия на некоторое время перестал адресоваться самому себе и стал перенаправляться в сторону клерикальных авторитетов.

Однако с открытием светских университетов в Европе этот процесс получил обратное направление: начал кристаллизоваться идеал интеллектуала как попытка воссоздания античной модели целостной личности, примирения веры и знания. Так, *Бозций Дакийский* утверждал, что философы по природе своей добродетельны, чисты и умеренны, справедливы, сильны и свободны, мягки и великодушны, замечательны, законопослушны, равнодушны к наслаждениям, воодушевлены человеческими делами [4]. Этот психологический портрет дает представление об аутентичной личности, находящей основы духовности не в монастыре, а в человеке и мире.

Новый виток интереса к подлинности внутреннего мира возник в западной цивилизации примерно два века назад. Отдельной личности было трудно выжить в мире больших социальных групп и массового сознания, и все чаще стала звучать мысль о том, что социальная жизнь, без которой древние греки не могли представить своего существования, – чуждое истинной человеческой при-

роде явление. С усилением секуляризированной морали контролирующая жизненный путь инстанция стала все чаще рассматриваться как внутренняя, при этом акцент ставился на самоуправлении личности, а не соответствии конвенциональным ценностям. Руссо полагал, что аутентичность дает доступ к внутреннему моральному голосу, интуитивным чувствам относительно того, как поступать [1a].

Романтизм, влиятельное литературное направление XIX века, постулировал, что социальная жизнь представляет собой насилие и обман, и потому чувство связи с миром основано не на общественных отношениях, а на самопознании. Теория общественного договора провозглашала, что общество – искусственный конструкт, механическое и негуманное объединение первоначально отделенных индивидов (эта точка зрения получила название “онтологический индивидуализм”) [20, 21]. И хотя в описываемую эпоху категория аутентичности еще не встречалась в научном обиходе, само явление именно тогда стало особенно востребованным, поскольку позволяло противостоять социальному прессингу и обращаться к поиску места человека в мире вообще [69].

Окончательно понятие аутентичности утвердилось в психологии с расцветом экзистенциализма, в центре интересов которого оказалось глубоко индивидуализированное человеческое бытие. Интересно, что примерно в то же время К. Маркс начал использовать понятие отчуждения при описании нарушения связи между человеком, его собственностью и продуктами его деятельности, т.е. по сути – распада эмпирической личности [71].

Основоположник экзистенциальной философии С. Кьеркегор использовал слово “экзистенция” для обозначения особого качества жизни людей – ее наполненности и согласованности потребностей и смысла [7]. Кьеркегор особенно подчеркивал духовность человеческого бытия и его способность выходить за свои собственные границы. Спустя несколько десятилетий Ф. Ницше отметил важность психологической и особенно интеллектуальной целостности для психики как условия полноты жизни, называя это качество “дионисийской интенсивностью” [11].

Под влиянием Кьеркегора и Ницше М. Хайдеггер начал говорить об аутентичности личности и бытия [16]. Он не считал, что аутентичность – это просто следование логике природы, которая заранее определяет развитие человека; по его мнению, это скорее возможность самодетерминации и самоопределения, которую человек черпает из того культурного контекста, где он существует (“вброшенность” в место и время). Каждый человек уже

оказался в мире, где вещи, идеи, другие люди и последствия прошлых выборов задают возможности управления своей судьбой. Бытие есть всегда со-бытие (“*co-Dasein*” или “*being-with*”); быть – значит всегда иметь способность-быть. Таким образом, примитивное противопоставление человека и социума утратило свою категоричность, человек – это одновременно потенциальное и актуальное существо, которое делает себя само, подразумевая при этом вклад и влияние других.

Согласно Хайдеггеру, формально для каждого существуют два варианта жизни. Во-первых, можно сливаться с толпой, которая действует как один человек, и избегать ответственности за личный вклад в ясность своей жизни. В этом случае человеческая жизнь называется отчужденной (*inauthentic, uneigentlich, “unowned”*), дословно – “не-собственной”, т.е. для обозначения аутентичности Хайдеггер использовал категорию эмпирической личности, владения ею личным бытием. Во-вторых, человек может сам принимать ответственность за прояснение жизни, продуктивно использовать время и действовать ясно, концентрированно, устойчиво и наполненно. Это жизнь аутентичная, “собственная” (*authentic, eigentlich*).

В современной философии аутентичность рассматривается как признанная ценность даже в том случае, если не приводит к появлению таких благ, как процветание, слава, наслаждение. Как пишет Ч. Гиньон, аутентичность важна постольку, поскольку мы можем верить, что каждый индивид от рождения имеет потенциал развития, лежащий в его природе, “призыв” или судьбу которого нужно осуществить, что каждое человеческое существо имеет собственный путь становления, который подходит только ему [42].

Остановившись кратко на философской предистории понятия “аутентичность”, перейдем к анализу его психологических значений.

ПОНИМАНИЕ АУТЕНТИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

В XX в. начали резко меняться привычные, сложившиеся на протяжении многих веков условия жизни, очевидным образом приводя к социальной и этнической маргинализации, а позже – глобализации как отмене границ. Влияние протестантизма, регулярная смена условий жизни, массовый переезд населения из деревни в город, отчуждение и от корней, и от актуальной деятельности привели к тому, что идентичность утратила привычные опоры. Стало очевидным то, что атрибуты эмпирической личности – место, время, собственность, происхождение – уже ни-

как не ориентируют человека в поиске его пути, который многократно меняет свое направление в быстро изменяющемся мире. Именно поэтому, на наш взгляд, контроль над бытием, иногда совсем “безбытным”, стал возлагаться на глубоко внутреннюю и субъективную инстанцию: чувство подлинности, или аутентичности, и есть то единственное, что подсказывает человеку, что он – это действительно он.

Усиление чувствительности к поиску “своего” связано также с опытом двух мировых войн, которые, подобно всем великим катастрофам, вынуждали людей изменить траекторию жизненного пути и посвятить себя тому, чем они никогда не стали бы заниматься в стабильной обстановке. А. Этдзиони обращает внимание на то, что и после окончания войны индустриальные общества прилагали большую часть своих усилий к удовлетворению интересов фронта [37]. Все войны порождали “потерянные поколения”; глобальные кризисы вообще сопровождаются массовым обманом и самоотчужденностью [37, 50, 53]. Признаки этого процесса – укрепление массовых коммуникаций, посвященных эскапизму, увеличение инвестиций в рекламу и усиление веса ценностей, направляемых другими (индоктринируемость).

С закреплением позиций психологии как науки конструктивность понятия аутентичности в разных направлениях, начиная с прагматизма, уже не вызывала сомнений, в силу чего начали широко обсуждаться онтологический статус этого понятия (процесс или результат, черта или переживание), факторы и маркеры. У. Джемс полагал, что аутентичность связана с той частью эмпирического Я, которая служит отражением личности в глазах других [2]. По мнению Дж. Мида, аутентичность достигается благодаря способности сосуществования *I* и *Me* – части *I*, направленной на других [54]. Таким образом, социальная психология ищет аутентичность в пространстве между личным и социальным. Ученик Мида И. Гоффман считал, что каждый человек сам принимает решение о том фасаде, который он предъявляет другим, в связи с чем и появляется вопрос об аутентичности [39]. Однако возникает он не у каждого субъекта: аутентичность включает субъективное переживание того, что есть истинное Я, а также оценку актуального существования человека как подлинного или ложного. Если окружение уводит от истинной сущности, возможно, стоит выбрать другой, более ресурсный для человека круг значимых других. Личная аутентичность начинает расширяться и даже отождествляться с агентами зеркального Я.

Примерно об этом же писал выдающийся персолог Г. Салливан, отмечая, что переоценка

аутентичной индивидуальной самости (*authentic individual selfhood*) ведет к разрушению индивидуальности, поскольку все люди, которых он встречал, имеют столько личностей, сколько межличностных связей у них имеется [66]. Таким образом, аутентичность предстает как побочный продукт социальных отношений, вне которых человеку ничего не дано иметь. Отметим, что эта конструктивная множественность подразумевает добровольную идентификацию со значимыми другими и отлична от той расщепленности, которая рассматривается в клинической психологии как предиктор отчужденности.

В клинической психологии и психотерапии аутентичность подразумевает, в первую очередь, существование целостной, конгруэнтной и гармоничной личности – индивидуума, в котором отсутствуют какие бы то ни было признаки “дивидуума”, т.е. делимости или расщепленности [39]. Этим утверждается идея о том, что мы скорее согласованные существа, обладающие преемственностью, чем просто серия дискретных “селф-состояний” [24]. Аутентичность также часто понимается как облеченная в тело, во-площенная идея (*embodied insight*), знаменующая единство духовного и телесного.

В гуманистической и экзистенциальной психотерапии понятия “аутентичный” или “неаутентичный” используются для того, чтобы обозначить оптимальный либо ущербный путь проживания собственной жизни, а идеалы аутентичности неотделимы от понимания современного общества как морального, объединяющего свободных, социально мыслящих, синергичных миру людей. Дж. Бьюдженталь считает, что аутентичность связана со способностью к выбору, волей [3]. Дж. Тедески отмечает такие составляющие аутентичности, как сила, авторская позиция, самоорганизация, что тесно связано с личной ответственностью, подводя таким образом к идее субъекта аутентичной жизни [68].

Аутентичность выступает также как типично модернистское переживание, признающее чистое Я, нечто, что может быть открыто, проверено, развито, если мы достаточно искушены в самопознании [36]. В постлакановском психоанализе стало принято использовать слово “аутентичность” как синоним-усиление Я, обладающее более реальными, спонтанными, глубокими потребностями, и противопоставлять аутентичное Я нарциссическому как формальному, “сделанному” [30]. Постмодернизм, в отличие от модернизма с его акцентом на самости, отдельности, аутентичности и субъектности, подчеркивает роль социальных конструкций во всех личных

идентичностях, тем самым делая и аутентичность конвенциональным, а не личностным феноменом [28]. То есть в ее оценке нужно полагаться не на истинное Я (которое подвергается сомнению), а на то, что назначается аутентичным в субкультуре, к которой относится человек.

В психологии личности и социальной психологии “аутентичный” трактуется как чистый и подлинный (*pure and original*), реальный, выражающий сущность, духовный, личностный или культурный. Простая аутентичная жизнь противопоставляется поддельной, нереальной, фальшивой, подобно тому как домашняя пища отличается от фастфуда [51]. “Аутентичные объекты, субъекты и коллективы подлинны, реальны, чисты; они то, чем должны были быть, их путь осознан и проверен, их сущность и явление едины” [51, с. 2]. Или еще лаконичнее – аутентичность есть свободное действие истинного Я в повседневной жизни [45, 49]. Все перечисленные качества аутентичной жизни отмечают необходимость для человека прохождения через собственную историю, в результате чего у него и возникает ощущение подлинности [71]. В становлении аутентичности “кесарево сечение” невозможно.

Несмотря на сложность категории аутентичности, существует и позитивистская традиция ее описания. Так, Г. Барретт-Леннард, близкий в своих взглядах роджерсианской психотерапии, предложил для обсуждаемого феномена модель, включающую три блока: 1) самоотчужденность, которая представляет меру неконгруэнтности актуальных переживаний и глубинных ценностей личности, 2) подверженность внешним влияниям и 3) аутентичную жизнь как поведение в соответствии с убеждениями и ценностями [10, 18, 19, 73]. Два первых блока представляют собой меру неаутентичности, а третий – естественно, аутентичности личности. Согласно этой концепции, полюса аутентичности и неаутентичности не противопоставлены жестко; каждый человек в любой момент своей жизни переживает что-то подлинное и в чем-то отчужден от своего бытия; для психологического благополучия важна мера этих опытов. Таким образом, аутентичность – это отраженная в сознании человека текущая характеристика его жизнедеятельности, а не черта личности.

Об этом же говорят и результаты исследования, проведенного В. Флисоном и Дж. Уилтом [38]. Исходя из того, что люди непостоянны в собственных поступках, были выдвинуты две гипотезы относительно природы переживаемой аутентичности жизни. Гипотеза соответствия чертам (*trait consistency*) утверждала, что люди чувствуют себя более аутентичными, если действуют со-

гласно логике своего характера. Гипотеза смысла контекста (*state-content significance*) – что люди поступают так, как это важно для их переживания аутентичности, независимо от структуры личности. Эта гипотеза менее интуитивна, поскольку допускает, что люди могут чувствовать верность истинному Я даже вопреки логике характера.

Респонденты оценивали свое поведение как аутентичное или неаутентичное при помощи трех утверждений (“Я был верен самому себе в течение последних 20 минут”, “Я чувствовал, что последние 20 минут вел себя аутентично”, или “Я чувствовал себя, как если бы действительно был самым собой”), а также соответствие поступков своим чертам личности. Лабораторные исследования и систематическое самонаблюдение в повседневной жизни доказывают вторую гипотезу, однако обнаружена нелинейная зависимость, которая проявляется в том, что человек чувствует себя более аутентичным, если его действия отвечают пику проявления черты личности. Аутентичность, независимо от черт личности, оказалась связанной со способами поведения, которые совершаются экстравертированно, осознанно, с принятием ситуации, эмоционально стабильно, интеллектуально. Именно эти особенности способствуют автономному поведению.

Таким образом, переживание аутентичности, будучи глубоко индивидуальным, доступно каждому человеку. Можно предположить, что оно детерминировано более высокими уровнями индивидуальности, нежели базовые диспозиции.

Многие исследователи полагают, что аутентичность можно понимать как личностную способность, помогающую выразить себя в сообществе, установить соответствие ценностей и поступков и создать ясную осмысленную перспективу [31, 32]. Основа аутентичности – самопознание, поскольку, “чтобы выражать себя, люди должны знать, кто они такие” [32, с. 7]. При этом главные вопросы – о том, что представляет собой глубинное Я, от которого исходят знания, и как мы понимаем и принимаем это знание-о-себе, которое, по мнению многих, нерационально и связано с воображением. Поэтому, чтобы укреплять аутентичную жизнь, для открытия ее смысла полезно обратиться к поиску архетипов и понять, что человек часто связан долгоиграющим жизненным сценарием, который им руководит [35, 47].

Для пробуждения и интенсификации самопознания рекомендуются следующие техники, в основном обращенные к иррациональным составляющим психики. Во-первых, это использование особых опытов: как утверждают К. Пепперс и А. Брискин, “путешествие к собственной душе

часто начинается с чувства оставленности” [57, с. 22]. Во-вторых, это использование символизации и метафорического представления. В-третьих, это использование фантазии. Перефразируя высказывание А. Сент-Экзюпери о том, что сущностное часто скрыто от глаз, П. Крэнтон и И. Карузетта утверждают, что и развитие аутентичности происходит “во тьме бессознательного” [32]. В качестве ресурсов обретения подлинности рассматриваются искусство, путешествия, мистические примитивные переживания [51].

Часто отмечается, что намного проще описать то, что аутентичным не является, чем определить это качество позитивно: аутентичность нельзя увидеть, но есть знаки, свидетельствующие о ее присутствии, о реальности человеческой личности, пишет Дж. Джентайл [43]. Чтобы в повседневной жизни выстроить границы между *Я* и *Не-Я*, необходима интеграция психики, тела и символизации своего бытия, адресованной другим субъектам. В своих рассуждениях исследовательница связывает современный психоанализ Д. Винникотта с экзистенциальной психологией: аутентичность переживается, если есть способность выхода за рамки собственного индивидуального существования; условием развития этой способности оказывается потребность человека в третьем, “транзитивном субъекте”, которому косвенно адресуется бытийное послание. То есть одной диады недостаточно для уверенного переживания подлинности.

Идея единства тела и психики как условия переживания аутентичности акцентируется и в некоторых психотерапевтических техниках, например, с использованием вновь привлекающей внимание “психотерапии обнажением” [55]. Придуманная П. Биндримом техника направлена на обретение аутентичного *Я* через систематическое раздевание. Обнажение, будучи символическим и фактическим освобождением от масок, многими психологами рассматривается как форма невоцерковленной духовности.

Телесность, символизация, “транзитивный субъект” – элементы эмпирического *Я*. И раз уж мы затронули их вклад в укрепление аутентичности, логично обратиться к таким бытийным атрибутам, как время и место. М. Антонсич полагает, что аутентичность во многом обеспечивается переживанием принадлежности месту (*place-belongingness*), понимаемой как ощущение себя “дома” [17]. Чувство места – это ресурс, который создает, предьявляет, узаконивает и сохраняет формы социопространственной включенности/исключенности.

Аутентичность обсуждается и в прикладной области науки – психологии туризма [29, 72]. Отмечается, что люди с развитым самосознанием стремятся увидеть новые места не для того, чтобы, например, купить аутентичный предмет обихода или побывать в месте, сохранившем свои функции и символику. Все это – лишь пространственно-временные посредники на пути человека к своему истинному *Я*, поэтому начинают больше цениться деятельность и личностный опыт, устанавливающий связь *Я* с разными этапами истории его становления, т.е. побуждающие человека вступить в контакт с собственной биографией. Таким образом, время и место – естественные фасилитаторы на пути индивидуации.

Итак, кратко рассмотрев способы использования понятия “аутентичность” в разных областях психологии, мы можем заключить, что оно подразумевает способ поведения, совершаемый в соответствии с глубинными ценностями, свободный от внутренних противоречий, адекватный социальному и пространственно-временному контексту жизни, подразумевающий диалог с самим собой и миром и данный скорее в переживании, чем в представлении.

Для того чтобы определить это понятие точнее, прибегнем к сопоставительному терминологическому анализу.

АУТЕНТИЧНОСТЬ В ТЕЗАУРУСЕ БЛИЗКИХ ПОНЯТИЙ

Аутентичность часто сопоставляется с *идентичностью*, и отношение между ними многие считают центральным для психологии личности [23]. Идентичность – составное явление, включающее в себя: (а) сбалансированность оцениваемых и неоцениваемых атрибутов, (б) мобильность и гибкость в разных пространственно-временных обстоятельствах и (в) определение стратегий достижения аутентичности. Таким образом, идентичность шире по смыслу, чем аутентичность, представляющая собой качественно иной, ненормативный уровень существования. Иначе говоря, идентичность присутствует у каждого, аутентичность – нет.

Оба понятия в социальной психологии показывают подлинность происхождения – родился ли человек в резервации или в свободной Австралии? На каком языке он говорит? Главными маркерами этнической аутентичности служат язык, наследие и пища, однако, вероятно, можно выделить и другие, неосознаваемые индикаторы отнесения человека к “своим” или “чужим” [23, 61].

Многие авторы отмечают, что идентичность как назначение себя носителем определенных качеств может быть неаутентичной, создавая напряжение между деланием и бытием. Но и эта точка зрения дискуссионна: так, Р. Тернер считает, что именно повседневные поступки человека отражают его реальное Я и аутентичны ему, и потому нужно больше внимания уделять ситуативному поведению [70].

Для уточнения обсуждаемого понятия можно провести параллель между путешествием к аутентичности и юнгианской индивидуацией. Обретение аутентичности, по мнению П. Крэнтон и Дж. Диркса, и есть индивидуация: ведь чтобы выделить себя из коллективной психики, нужно отвлечься от социальных норм и понять, во что мы действительно верим, что считаем ценностью, что вызывает в нас резонанс [31, 35]. Обретение истинного в себе ведет человека вперед, против мирового зла как коллективного бессознательного, не прошедшего путь индивидуации. Таким образом авторы изящно решают одну из важнейших этических проблем, возникающих в связи с понятием аутентичности: если аутентичность – это природа, всегда ли она ведет к благу?

Часто аутентичность рассматривают как предпосылку *автономии* в том смысле, что мы не можем быть автономными, если не имеем нечто важное для нас, сущностное в самом глубоком смысле [65]. Каждый человек, компетентно принимающий решения, нуждается в ценностях, ориентирующих его в том, что хорошо и что плохо, постоянных, подтверждающих его самого [27]. В то же время некоторые исследователи справедливо отмечают, что большинство повседневных выборов основывается на преходящих поверхностных потребностях, а не на глубинных убеждениях. Таким образом, при сопоставлении аутентичности и автономии возникает вопрос: что больше характеризует человека – его повседневность или отдельные значимые поступки? Аутентичен ли субъект в своем не героическом, а рутинном бытии? Ответ может иметь только ценностный характер.

Есть и другая точка зрения на соотношение обсуждаемых понятий: автономия – необходимая, но недостаточная предпосылка аутентичности, и потому автономный человек не всегда верен своей природе и переживает экзистенциальную наполненность [44].

Понимание соотношения автономии и аутентичности имеет важное значение не только для методологии, но и для этической практики. Так, некоторые психиатры выступают за принудитель-

ное лечение психически больных людей, чтобы помочь им обрести автономию, а другие возражают, считая необходимым уважать аутентичную волю больного, который сам правомочен решать, лечиться ли ему [65]. Нужно считаться с аутентичными ценностями больного, если восстановление автономии – недостаточный для него мотив к лечению. Когда пациент не может сам принять решение, то, чтобы приблизиться к его аутентичным интересам, надо обратиться к иным, кроме его личности, ресурсам, например, к ранее высказанным пожеланиям или мнению родных и друзей.

Авторы популярной на Западе теории самоорганизации Р. Райан и Э. Деси считают, что основной признак аутентичных действий – чувство авторства по отношению к ним; субъект несет за них ответственность и не может от них отрекаться [60].

Аутентичные чувства как индикатор подлинной жизни часто сравнивают с *искренностью* [62]. Аутентичность служит моделью для оценки соответствия актуальных чувств, ценностей и убеждений, направляющей личностный рост в сторону усиления и обновления этого соответствия. Главные признаки аутентичных чувств – искренность и спонтанность, но если аутентичность апеллирует к моральному содержанию, то искренность, по мнению М. Салмелы, это представление о том, что содержит в себе Я. Следуя данному различению, мы должны признать, что искренние чувства более индивидуализированы, нежели аутентичные, и потому главный смысл обсуждаемого понятия размывается.

В практической психологии аутентичность как один из показателей зрелого Я противопоставляется артифициальности (*artificiality*), “сделанности”. Аутентичные клиенты способны вступать в реальные или символические отношения со своим окружением; клиенты же, которые воспринимают себя артифициально, утрачивают чувство реальности, и разговор с ними – это диалог с теми, кто отсутствует в настоящем [26].

Аутентичность отличают от *внешней успешности и благополучия*, отмечая неоднозначность связи между ними [34]. Существует точка зрения, что жизнь благополучна, если человеческие желания удовлетворяются, а не фрустрируются (эта позиция называется преферентизмом, *preferentism*). Но зачастую преферентист недостаточно сензитивен к присутствию автономности и аутентичности, он зависим от той оценки собственной успешности, которая дается ему другими людьми. Потребность в аутентичности означает свободу и автономию;

жизнь Бетт хороша для нее самой, хотя может не нравиться другим. Аутентичность – фундаментальный компонент автономности, которая, в свою очередь, связана с благополучием: известный режиссер Педро Альмадовар отмечал, что он успешен только тогда, когда делает то, что хочет [67]. То есть, по этой логике, чтобы стать счастливым, нужно постараться быть собой.

Представляется также уместным сравнить аутентичность с популярным в западной психологии развитием понятием *мудрости*, введенным П. Бальтесом. Он определял мудрость как особую психологическую способность, соединяющую знание и ценности и направленную на решение контекстуальных жизненно важных вопросов [18]. Это понимание перекликается с теми задачами, которые решали практические философы древности. Примечательно, что Бальтес не предлагал количественных индикаторов мудрости: в области ее диагностики он ограничивался указанием на то, что мудрость легко распознается другими людьми.

По мнению В. Брекуса, “аутентичность – это реинтерпретация старого понятия Мудрости. Это способность действовать таким образом, чтобы базовые эмоции отражали человеческую натуру и определяли бы выборы и привычки личности” [23, с. 341]. То есть это не просто соответствие и конгруэнтность, но качество более высокого порядка самоорганизации, способность поддерживать необходимое соответствие. Это также верность самому себе, и поскольку каждый человек отличается от других, то и аутентичность скорее различает нас, чем ведет одним путем. Иначе говоря, для кого-то подлинность – это благоустроенная хоббишья нора, для кого-то – пепел Клааса.

Еще один способ уточнения обсуждаемого понятия – изучение его эмпирического контекста. Изучив связи аутентичности с другими психологическими качествами и явлениями, безусловно, можно открыть дополнительные смыслы.

Исследования показывают, что аутентичность положительно связана с благополучием, самооценкой, позитивными переживаниями, надеждой на будущее, креативностью, слабостью негативных переживаний, удовлетворенностью жизнью, склонностью к романтическим отношениям и отрицательно – с тревожностью и депрессией [44, 45, 52, 64].

Аутентичные чувства положительно связаны с самоэффективностью, переживанием собственной компетентности [71]. Связь между положительными эмоциями и аутентичностью положительная, а между отрицательными аффектами и аутентично-

стью – значимо отрицательная, возможно, потому, что отрицательные эмоции маркируют уход от аутентичности [46]. Этот факт ставит под сомнение идею психотерапевтического “отреагирования” – не происходит ли так, что, давая свободу гневу, обиде, зависти, человек не приближается к собственному глубинному Я, а всего лишь получает опыт идентификации с теневой стороной своей личности? А “управление гневом”, напротив, соответствует аутентичному способу жизни?

В социальной психологии отмечено, что, если человек чувствует себя заложником своих социальных ролей, это отрицательно связано с психологическим благополучием, а если он не вовлекается в ролевые игры – положительно [59, 64]. В то же время если человек эмоционально принимает эти роли и считает аутентичными для себя, то его благополучие нисколько не страдает [22].

Интересный психологический портрет аутентичной личности появился при попытке описать “настоящего” учителя, или учителя по призванию; проблема аутентичности преподавания очень интенсивно изучается в связи с непрерывным образованием и обучением взрослых [25]. По мнению студентов, аутентичный учитель – это достойный доверия, открытый, честный в делах человек, союзник своих учеников, стремящийся делать то, что хорошо для них, в любых обстоятельствах [41]. Другие качества учителя по призванию – это готовность к помощи, умение жить в соответствии со своими правилами, не скрывать намерения, практиковать свои установки, конгруэнтность (соответствие слов и действий), открытость (регулярное оповещение учеников о критериях, ожиданиях и намерениях, которыми он руководствуется), отзывчивость (демонстрация студентам того, что он их учит, чтобы помогать им), индивидуальность (способность быть воспринятым студентами как человек из плоти и крови, обладающий интересами и идентичностью за пределами класса) [32, 33]. Этот портрет удивительным образом перекликается с идеалом личности средневекового мирского профессора.

Итак, аутентичность определяется по-разному; большинство дефиниций носит дискуссионный характер и скорее проблематизирует область познания, чем способствуют ее прояснению. Но все они, в конечном счете, сводятся к обсуждению следующих пяти позиций:

- 1) существует ли истинное Я,
- 2) связана ли аутентичность с Я или референтными другими,
- 3) возможно ли быть аутентичным в условиях эпохи постмодернизма,

4) почему развитие аутентичности сопровождается напряжением,

5) в чем состоит потенциал аутентичности как мотивирующей силы и личностного ресурса [71].

Эти позиции в основном носят ценностный характер и как таковые скорее могут быть объявлены, чем доказаны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный нами анализ показывает, что за рубежом аутентичность не случайно считается “трудным” (*troubling*) понятием. Непонятно, вызваны ли исторические повторы в обращении к феноменологии аутентичности постоянством глубинной природы человека и возникающих из нее вопросов или просто ограниченным количеством сквозных идей, которые циклически воспроизводятся в науке. Однако, как бы то ни было, можно прогнозировать возрастание социального интереса ко всему аутентичному и научного – к исследованию генезиса и проявлений подлинности человеческого существования. Доказательство тому – необыкновенно мозаичная картина прикладных исследований разных аспектов аутентичности в психологии: изучается этническая аутентичность, истинная вера и патологическая религиозность, аутентичность преподавания, учения и духовного развития, становления карьеры и реализации призвания [31, 61, 63, 67]. Спектр применяемых методик также необычайно широк: это опросники, интервью, изучение отдельных случаев, имажинитивные и психоаналитические техники.

Обобщая сказанное, мы хотели бы дать рабочее описательное определение аутентичности как качества жизни субъекта, находящегося в гармонии со своим бытием. *Аутентичность* – это целостность феноменальной и эмпирической личности, единство жизненной истории человека и декларируемых им ценностей. Это побочный результат естественного проживания жизни без экзистенциального насилия. Аутентичная жизнь предполагает постоянное ученичество, дает субъекту право на ошибку и потому уязвима и несовершенна, как все живое. Аутентичность отражает не благо жизни, а ее величие. Она не всегда ведет к победительности, не только успокаивает, но и пугает; может проявляться как в чувстве авторства, так и в согласии быть рядовым участником своей судьбы; сопровождается чувством истинности и измеряется только субъективно. Это аттрактор, неизбежность, постижение которой – самый короткий путь к смыслу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блаженный Августин*. Исповедь. Минск: Харвест, 2006.
2. *Джемс У.* Психология. Петроград: Наука и школа, 1922.
3. *Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым. Диалоги между пациентами и терапевтом в гуманистической психотерапии. М.: Независимая фирма КЛАСС, 1998.
4. *Гофф Ле Ж.* Интеллектуалы в средние века СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2003.
5. Катха Упанишада. Часть 1.1. URL: http://www.aquarium.ru/misc/pdf/katha_upanishad_full.html
6. Классическое конфуцианство. В двух томах. Лунь Юй. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2000. Т. 1.
7. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010.
8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
9. Мистерия Дао. Мир Дао Дэ Дзина. М.: Сфера, 1996.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* К дифференциации позитивного ресурса индивидуальности: психологическая суверенность и аутентичность личности // Психология индивидуальности: Материалы 3-й Всероссийской научной конференции. 1–3 декабря 2010, Москва, 2010. В двух частях. Ч. 2. С. 73–75.
11. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука, 2010.
12. *Осин Е.Н.* Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
13. *Платон*. Диалоги. М.: Мысль, 1986.
14. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // Политология: хрестоматия / Под ред. М.А. Василика, М.С. Вершинина. М.: Гардарики, 2000. С. 158–168.
15. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Академический проект, 2011.
17. *Antonsich M.* Searching for Belonging – An Analytical Framework // Geography Compass. 2010. № 4/6. P. 644–659.
18. *Baltes P.B., Kunzmann U.* Wisdom // The Psychologist. 2003. V. 16. № 3. P. 131–133.
19. *Barrett-Lennard G.T.* Carl Rogers' helping system: Journey and substance. London: Sage, 1998.
20. *Becker D., Marecek J.* Dreaming the American Dream: Individualism and Positive Psychology // Social and Personality Psychology Compass. 2008. № 2/5. P. 1767–1780.

21. *Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M.* Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. N.Y.: Harper & Row, 1985.
22. *Bettencourt B.A., Sheldon K.* Social roles as mechanisms for psychological need satisfaction within social groups // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2001. V. 81. P. 1131–1143.
23. *Brekhus W.H.* Trends in the Qualitative Study of Social Identities // *Sociology Compass*. 2008. № 2/3. P. 1059–1078.
24. *Bromberg P.* Standing in the Spaces. Hillsdale: The Analytic Press, 1997.
25. *Brookfield S.D.* Authenticity and Power // *New directions for adult and continuing education*. 2006. № 3. P. 5–17.
26. *Brown J.* Psychotherapy integration: systems theory and self-psychology // *Journ. of Marital and Family Therapy*. 2010. V. 36. № 4. P. 472–485.
27. *Buchanan A.E., Brock D.W.* Deciding for others: the ethics of surrogate decision making. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
28. *Burston D.* Psychotherapy and postmodernism: agency, authenticity and alienation in contemporary therapeutic discourse // *Psychotherapy and Politics International*. 2006. V. 4. № 2. P. 119–130.
29. *Cohen-Hattab K., Kerber J.* Literature, Cultural Identity and the Limits of Authenticity: A Composite Approach // *International Journ. of Tourism Research*. 2004. № 6. P. 57–73.
30. *Cowan-Jenssen S., Goodison L.* Narcissism: Fragile Bodies in a Fragile World // *Psychotherapy and Politics International*. 2009. V. 7. № 2. P. 81–94.
31. *Cranton P.* Integrating Perspectives on Authenticity // *New directions for adult and continuing education*. 2006. № 3. P. 86–91.
32. *Cranton P., Carusetta E.* Perspectives on Authenticity in Teaching // *Adult Education Quarterly*. 2004. V. 55. № 1. P. 5–22.
33. *Cuypers S.E., Haji I.* Authentic Education and Moral Responsibility // *Journ. of Applied Philosophy*. 2007. V. 24. № 1. P. 78–94.
34. *Cuypers S.E., Haji I.* Authenticity-Sensitive Preferentism and Educating for Well-Being and Autonomy // *Journ. of Philosophy of Education*. 2008. V. 42. № 1. P. 85–107.
35. *Dirkx J.M.* Authenticity and Imagination // *New directions for adult and continuing education*. 2006. № 3. P. 27–40.
36. *English L.M.* Women, Knowing, and Authenticity: Living with Contradictions // *New directions for adult and continuing education*. 2006. № 3. P. 17–25.
37. *Etzioni A.* Basic human needs, alienation and inauthenticity // *American Sociological Review*. 1968. V. 33. December. P. 870–885.
38. *Fleeson W., Wilt J.* The Relevance of Big Five Trait Content in Behavior to Subjective Authenticity: Do High Levels of Within-Person Behavioral Variability Undermine or Enable Authenticity Achievement? // *Journ. of Personality*. 2010. V. 78. № 4. P. 1354–1383.
39. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y.: Doubleday, 1959.
40. *Golomb J.* In Search of Authenticity. London: Routledge, 1995.
41. *Grimmet P.P., Neufeld J.* (Eds.). Teacher Development and the Struggle for Authenticity: Professional Growth and Restructuring in the Context of Change. N.Y.: Teachers College Press, 1994.
42. *Guignon Ch.* Authenticity // *Philosophy Compass*. 2008. № 3/2. P. 277–290.
43. *Gentile J.* Between private and public: Towards a conception of the transitional subject // *International Journ. of Psychoanalysis*. 2008. V. 89. P. 959–976.
44. *Harter S.* Authenticity // *Handbook of positive psychology* / Eds. C.R. Snyder, S.J. Lopez. N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 382–394.
45. *Harter S., Marold C., Whitesell N., Cobbs G.* A model of the effects of perceived parent and peer support on adolescent false self behavior // *Child Development*. 1996. V. 67. P. 360–374.
46. *Heppner W.L., Kernis M.H., Nezlek J.B., Foster J. Lakey Ch.E., Goldman B.M.* Within-Person Relationships Among Daily Self-Esteem, Need Satisfaction, and Authenticity // *Psychological Science*. 2008. V. 19. P. 1140–1145.
47. *Hollis J.* Mythologems: Incarnations of the Invisible World. Toronto, Ont.: Inner City Books, 2004.
48. *Joseph S., Wood A.* Assessment of positive functioning in clinical psychology: Theoretical and practical issues // *Clinical Psychology Review*. 2010. V. 30. P. 830–838.
49. *Kernis M.H., Goldman B.M.* Authenticity, social motivation, and psychological adjustment // *Social motivation: Conscious and unconscious processes* / Eds. J.P. Forgas, K.D. Williams, S.M. Laham. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 210–227.
50. *Lerner H.G.* The dance of deception. N.Y.: HarperCollins, 1993.
51. *Lindholm Ch.* Culture and Authenticity. Oxford: Blackwell, 2008.
52. *Lopez F.G., Rice K.G.* Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity // *Journ. of Counseling Psychology*. 2006. V. 53 P. 362–371.
53. *Lystad M.H.* Social Alienation: A Review of Current Literature // *The Sociological Quarterly*. 1972. V. 13. P. 90–113.

54. *Mead G.H.* Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago, 1934.
55. *Nicholson I.* Baring the soul: Paul Bindrim, Abraham Maslow and "Nude psychotherapy" // *Journ. of the History of the Behavioral Sciences*. 2007. V. 43. № 4. P. 337–359.
56. *Parish S.M.* Are We Condemned to Authenticity? Review Essay Review of Culture and Authenticity by Charles Lindholm // *Ethos. Journ. of the Society for Psychological Anthropology*. 2009. V. 37. № 1. P. 139–153.
57. *Peppers C.L., Briskin A.* Bringing Your Soul to Work: An Everyday Practice. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.
58. *Peterson C., Seligman M.E.P.* Character Strengths and Virtues. Oxford: Oxford University Press, 2004.
59. *Roberts B.W., Donahue E.M.* One personality, multiple selves-integrating personality and social roles // *Journ. of Personality*. 1994. V. 62. P. 199–218.
60. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-Regulation and the Problem of Human Autonomy: Does Psychology Need Choice, Self-Determination, and Will? // *Journ. of Personality*. 2006. V. 74. № 6. P. 1557–1586.
61. *Sala E., Dandy J., Rapley M.* "Real Italians and Wogs": The Discursive Construction of Italian Identity Among First Generation Italian Immigrants in Western Australia // *Journ. of Community & Applied Social Psychology*. 2010. V. 20. P. 110–124.
62. *Salmela M.* What Is Emotional Authenticity? // *Journ. for the Theory of Social Behaviour*. 2005. V. 35. № 3. P. 210–230.
63. *Sanderson S., Vandenberg B., Paese P.* Authentic Religious Experience or Insanity? // *Journ. of clinical psychology*. 1999. V. 55. № 5. P. 607–616.
64. *Sheldon K.M., Ryan R.M., Rawsthorne L.J., Iltis B.* Trait self and true self: Cross-role variation in the Big-Five personality traits and its relations with psychological authenticity and subjective well-being // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 73. P. 1380–1393.
65. *Sjostrand M., Helgesson G.* Coercive treatment and autonomy in psychiatry // *Bioethics*. 2008. V. 22. № 2. P. 113–120.
66. *Sullivan H.S.* The illusion of personal individuality // In *The Fusion of Psychiatry and Social Science*. N.Y.: WW Norton, 1950. P. 198–226.
67. *Svejenova S.* "The Path with the Heart": Creating the Authentic Career // *Journ. of Management Studies*. 2005. V. 42. № 5. P. 947–975.
68. *Tedeschi J. T.* Private and public experiences and the self / Ed. R.F. Baumeister. *Public Self and Private Self*. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 1–17.
69. *Trilling L.* Sincerity and Authenticity. London: Oxford University Press, 1972.
70. *Turner R.H.* "The Real Self: From Institution to Impulse" // *American Journ. of Sociology*. 1976. V. 81. P. 989–1016.
71. *Vannini Ph., Franzese A.* The Authenticity of Self: Conceptualization, Personal Experience, and Practice // *Sociology Compass*. 2008. № 2/5. P. 1621–1637.
72. *Wang N.* Rethinking authenticity in tourism experience // *Annals of Tourism Research*. 1999. V. 26. № 2. P. 349–370.
73. *Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // *Journ. of Counseling Psychology*. 2008. V. 55. № 3. P. 385–399.

UNDERSTANDING OF AUTHENTICITY IN FOREIGN PSYCHOLOGY OF PERSONALITY: HISTORY, PHENOMENOLOGY, RESEARCHES

S. K. Nartova-Bochaver

Sc.D (psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

The history of "authenticity" concept in philosophy and psychology is considered. The modern definitions of authenticity and empiric researches are analyzed. The close terms, correlates and markers of authenticity are defined. Applied perspectives of its study are described. Operational definition of authenticity as agency life quality who is in concordance with his/her being is given.

Key words: authenticity, personality, autonomy, identity, existence, being.